

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Любарского Руслана Васильевича
«Концепции К. Кастанеды в русской рок-поэзии и
постмодернистских романах
В. Пелевина и М. Фрая конца XX – начала XXI веков»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература**

Часто новое художественное явление в литературе скептически осмысливается академической средой, нередко воспринимается в штыки. Так, в свое время маргиналиями считались романтики, масса критических стрел была выпущена некогда в адрес футуристов. Примеры можно множить и множить. Однако со временем подобные направления и течения становятся полноправными частями литературы и высокой культуры в целом.

То же можно сказать и о рок-поэзии, которая еще совсем недавно воспринималась как явление маргинальное, низовое. Однако советский рок дал ряд значимых поэтов, без которых современную художественную словесность уже нельзя помыслить. Более того, именно рок оказался той традицией, что смогла объединить массы и интеллектуалов, то есть поистине стал новой народной «литературой».

Похожая ситуация складывается и с постмодернизмом, который многими и по сей день воспринимается как китч, как явление низкохудожественное. Поэтика, ориентированная на отражения и имитации, порождающая всяческие «пустые знаки» – «симулякры», тоже как будто имеет оттенок маргинальности.

К «низовой» словесности критики и ученые почему-то относят фантастику и фэнтези. «Ситуация на самом деле парадоксальная. То, что сами фантасты называют “гетто”, по совокупным тиражам – и по числу выходящих за год новинок – в несколько раз превышает тиражи “большой литературы”. Иными словами, есть все основания считать “мейнстримом” –

то есть основным потоком – именно фантастику. Тем не менее и сами фантасты так не считают» (Галина М. Старая, новая, сверхновая... : Журналы фантастики на постсоветском пространстве // Новый мир. 2006. № 8. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/8/ga13.html). По опыту знаю, что даже братья Стругацкие, несмотря на популярность у читающей публики, в том числе и ученой, не могут преодолеть академического скепсиса: во многих учебниках русской литературы второй половины XX века они даже не упоминаются. Что мне кажется несправедливым.

Таким образом, Р.В. Любарский не побоялся взять в качестве материала три маргинальные области, которые, на мой взгляд, в большом времени имеют все шансы войти в золотой фонд русской словесности. Собственно, ситуация в русской филологии последних двух десятилетий подтверждает мое предположение: о русском роке защищено уже несколько десятков диссертаций, да и постмодернизм с фантастикой тоже нередко становятся материалом диссертационных исследований. Хотя лакун здесь по-прежнему много. Поэтому актуальность работы Р.В. Любарского не вызывает сомнений. Ведь среди подобных направлений, «конфликтующих» с большой литературой, находится целый конгломерат приобретающих всё большую значимость феноменов словесности: начиная от песенной поэзии и заканчивая «магическим реализмом», фантастикой, фэнтези. Факты свидетельствуют, что данные литературные области не только уже стали глубокими самостоятельными явлениями, но и оказывают заметное влияние на традиционные «высокие жанры».

Представленная диссертация со всей очевидностью является новаторской. До сих пор все русскоязычные диссертации о творчестве Кастанеды (по крайней мере, известные мне) защищались в рамках философских ВАКовских шифров. Поэтому рассматриваемая работа станет первой филологической диссертацией о рецепции Кастанеды на русской почве – в контексте художественности словесности. А значит, труд Р.В. Любарского может стать парадигмообразующим при дальнейших

исследованиях данной темы. Это понимает и сам диссертант, однако, как мне представляется, формулирует этот аспект новизны излишне категорично: «изучение влияния идей Карлоса Кастанеды на современную русскую литературу оказалось вне интересов ученых-филологов» (С. 17.). Наверное, имелось в виду отсутствие филологических диссертаций, что не равно отсутствию исследований. Собственно, этот вопрос диссертантом разобран с достаточной полнотой: в работе дана история изучения наследия Кастанеды, в том числе, и филологами.

К новизне можно отнести и то, что Р.В. Любарский объединяет несколько ветвей русской словесности, не боится задействовать такие потаенные или маргинальные имена, как Хелависа, Дельфин или Хой-Клинских, по сути, вводя их научный оборот (знаю лишь пару статей, посвященных этим авторам). Такой «синтетический» подход выглядит оправданным: современная словесность и шире – культура есть пространство пересекающихся смыслов, где высокие традиции сплавляются с низовыми. Поэтому объединить три маргинальных линии – рок-поэзию, постмодернизм и фантастику – уже интереснейшая задача, а преломить их через призму творчества такой неоднозначной фигуры, как Кастанеда, есть смелый шаг вперед, позволяющий понять часть процессов, происходящих в современной русской словесности.

Предмет, объект, цель и задачи выглядят корректно сформулированными и отражающими основное содержание работы. Аутентичными представляются использованные методы (историко-литературный, биографический, сравнительно-исторический, типологический, генетический), а особенно важным в масштабах всей диссертации становится интертекстуальный метод, так как у диссертации – отчетливо выраженное компаративистское ядро. Поэтому сомнений в обоснованности выбора теоретико-методологической базы не возникает: опора на труды видных литературоведов, антропологов, мифологов, философов доказала свою состоятельность.

Да и в целом введение оставляет благоприятное впечатление. Разве что неполно сформулированной выглядит гипотеза исследования: «идеи Карлоса Кастанеды оказали влияние на творчество современных русских писателей в виде художественного переосмысления концепций реальности, обновления приемов создания вторичной реальности» (С. 19). Почему из гипотезы выпали заявленные в теме исследования рок-поэты?

И еще момент. На С. 20 формулируется следующее положение, выносимое на защиту: «Психоделический способ освоения новых реальностей с помощью перехода в новый мир, осуществляемый благодаря психоактивным веществам – основа творчества современных рок-поэтов». Речь идет о всех рок-поэтах или только о заявленных как материал для исследования?

Структуры работы хотя и проста, но вполне логична: две главы охватывают основные аспекты заявленной в заголовке темы: от кастанедовских рецептов в рок-поэзии до отражения идей американца в творчестве русских постмодернистов В. Пелевина и М. Фрая. Особенностью этой структуры является то, что Пелевин с Фраем идут параллельно во всех трех параграфах второй главы, что позволяет автору подняться до более широких обобщений, ведь в центре анализа – именно кастанедовские концепты и мотивы (Орёл, «сталкинг сталкеров», «отдельная реальность»).

Со всей тщательностью проработан и материал. Хочу отметить ту колоссальную работу, которую провел автор по сбору, каталогизации и интерпретации кастанедовских отсылок в русской рок-поэзии. Перед нами действительно «кастанедовская энциклопедия русского рока», в которой представлена масса авторов как выходцев из советского рока, так и новой формации, получивших популярность относительно недавно. Кастанедовские отсылки, выявленные диссертантом в творчестве Пелевина и Макса Фрая, также выглядят глубокими и доказательными: речь можно вести о целой системе аллюзий и цитат, которую выстраивает Любарский.

Укажу на продуктивную попытку диссертанта связаться с ныне здравствующими рок-авторами, которые подтверждали свое знакомство с текстами Кастанеды. Такая верификация «из первых уст» делает выводы работы более весомыми, тем более, что без этого заявления все «кастанедовские» образы, допустим, Хелависы кажутся лишь типологическими пересечениями, а не заимствованиями.

В работе много тонких наблюдений, когда исследователь вскрывает кастанедовский подтекст произведений. Например: «Второй куплет заканчивается упоминанием употребления кактуса вместо полноценного обеда:

Кормила меня кактусом вместо обеда,

Сажала в лотос за каждый пустяк...

Карлос Кастанеда в книге «Отдельная реальность» упоминает об исследовании им кактусов – пейотов, о которых он расспрашивал у индейца Дона Хуана» (С. 38). Действительно, поедаемый кактус и поза лотоса в своем соединении дают отсылки к двум популярным эзотерическим кодам русского рока, да и вообще советской психоделической субкультуры. Таких интересных моментов в работе немало – поистине невозможно перечислить их все.

Бесспорна и теоретическая значимость диссертации, ее выводы могут быть полезны для дальнейших исследований в области интертекстуальности, освоения эзотерико-философских доктрин художественной практикой. Кроме того, предложены новые идеи, позволяющие глубже проникнуть в суть таких явлений, как рок-поэзия, постмодернистская литература. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее выводов при разработке курсов по современной русской литературе.

Вместе с тем, при прочтении работы возникают некоторые вопросы. Насколько идея «вторичной реальности», которая постоянно возникает на страницах исследования, уникальна в контексте постмодернизма? Или же перед нами новый виток осмысления старой идеи? Также как соотносится

«вторичная реальность» с концепцией двоемирия, разрабатываемой отнюдь не только постмодернистами (вспомним, допустим, романтиков)?

Р. Любарский пишет: «Материалом исследования являются стихотворения Егора Летова, Бориса Гребенщикова, Александра Васильева...» (С. 19). Так стихотворения или тексты песен (или то и другое)? Ведь это два разных жанра.

Не соответствующим действительности представляется высказывание диссертанта: «восьмидесятые годы в СССР вошли в историю, как эпоха всеобщего молодежного протеста и больших перемен» (С. 23). Лишь в конце 80-х советский рок из субкультурного перешел к контркультурному этапу своего развития (см. классическую статью Суровой и Кормильцева «Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция»). А, допустим, андроповскую «заморозку» уж никак нельзя назвать «всеобщим молодежным протестом».

При анализе текстов Гребенщикова, как мне показалось, диссертант смешивает прямые отсылки к наследию Кастанеды и типологические соотнесения, которые могут быть просто совпадением общего архетипического опыта, а не прямыми заимствованиями из «учения дона Хуана». Например, текст песни «Наблюдатель» кажется действительно в какой-то степени «кастанедовским», но он написан в 1986 году, когда изданий Кастанеды в СССР еще не было. Насколько мне известно, первые отрывки были напечатаны только в 1988 году. Понятно, что у БГ могли быть самиздатовские источники, но это всё слишком гипотетично.

В некоторых местах работа стилистически небезупречна, например: «Тексты варьируются <..> от всем привычной и “примитивной” любви (“Любовь”, “Надежда”) до страшно депрессивных песен (“Надя”）」 (С. 79).

Сопоставление художественно-философских воззрений Виктора Пелевина и Карлоса Кастанеды выглядит убедительно и весьма интересно. Нет сомнения, что исследователю удалось не только вскрыть отмеченные пересечения, но и глубоко проникнуть в суть пелевинского художественного

мироощущения. Однако в этом полном находок анализе мне не хватало большей сфокусированности на постмодернистской иронии Пелевина. Много из того, о чём он пишет, есть некое «перемигивание» с интеллектуальным читателем, есть иронизирование над мистическими доктринами – по сути, их постмодернистское профанирование. Тогда как Кастанеда серьезен и даже, если так можно выразиться, интенционально сакрален. У Пелевина же нельзя не увидеть усмешки.

На С. 219 речь идет о том, что в произведении Пелевина трансцендентальное инобытие населено в том числе «подобиями растений и насекомых». После чего автор проводит интересную параллель с текстом американца: «Карлос Кастанеда населяет сновидение неорганическими существами или союзниками». Интересно узнать, в какой форме даны эти существа? Соотносятся ли они с флорой или фауной?

Нетрудно заметить, что высказанные замечания носят в основном дискуссионный характер и никак не связаны с обоснованностью концепции Р.В. Любарского или верификацией результатов его исследования. Соответственно, замечания никоим образом не влияют на общее благоприятное впечатление от этого, бесспорно, новаторского труда.

Автореферат и публикации полно отражают основное содержание работы. Основные научные результаты диссертации опубликованы в необходимом числе рецензируемых научных изданий и апробированы на ряде конференций, в том числе и профильных.

В целом же диссертация А.В. Любарского «Концепции К. Кастанеды в русской рок-поэзии и постмодернистских романах В. Пелевина и М. Фрая конца XX – начала XXI веков» это завершённое, структурно выверенное исследование, которое в полной мере отвечает необходимым квалификационным признакам, определенным пунктами 9 – 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 – с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26

мая 2020 г. № 751). Автор работы, Руслан Васильевич Любарский, несомненно, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент –
доктор филологических наук
по специальностям:
10.01.01 – Русская литература,
10.01.08 – Теория литературы, текстология,
профессор кафедры государственного,
управления и менеджмента
Брянского филиала РАНХиГС

В.А. Гавриков

Гавриков Виталий Александрович
Брянский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации
241050, Брянск, ул. Горького, 18,
Раб.тел.: 8(4832)72-28-19
e-mail: gva@br.ranepa.ru

11.11.2020

Подпись Гаврикова В.А. удостоверяю.

Начальник отдела правовой
и кадровой работы

Глебова Г.В.